

Э.И. Будовский, Н.А. Симукова

ЛАБОРАТОРИЯ Н.К. КОЧЕТКОВА – НАШ «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»

Весна 1959 года. Возникновение ИХПС АН СССР. Начало Лаборатории Н.К. Кочеткова. Первые сотрудники. Среди них – Эдуард Израилевич Будовский, которому Н.К. поручил организацию группы химии нуклеотидов и нуклеиновых кислот. Несколько пустых комнат на втором этаже здания бывшего Института горного дела, которые надо наполнить всем, необходимым для работы, начиная от тяг и мебели и кончая приборами, химической посудой, реактивами и прочим. Надо войти в новую тематику, определить круг задач и необходимых методов, найти и научить сотрудников... Голова может пойти кругом.

Но некоторый опыт у Э.И. уже был. Потому что началось все гораздо раньше. В 1949 году третьекурсни́к химфака МГУ (куда он «с боем» перевелся из МИТХТ годом раньше) Эдик Будовский впервые увидел на лекции А.Н. Несмеянова по органической химии высокую тонкую фигуру в спортивной курточке – лекционного ассистента Н.К. Кочеткова – и с легкой завистью отметил сдержанный артистизм его работы.

Студенческие годы пришлись на бурный период нашей истории, вместивший «борьбу с теорией резонанса», печально знаменитую сессию ВАСХНИЛ и многое другое. Выпуск курса состоялся в 1952 году – разгар «борьбы с космополитизмом» и «дела врачей». О работе в Москве нечего было и думать. После недолгих скитаний по отделам кадров периферийных заводов Э.И. поехал преподавать химию в техникум при Магнитогорском металлургическом комбинате. И это оказалось удачей!

Диплом МГУ? С отличием? И Э.И. поручено чтение лекций и постановка практикумов по органической и аналитической химии, курс техники безопасности, а также планировка и оборудование соответствующих лабораторий в новом здании техникума. Да разве одному поднять такое?!

Вот когда в полной мере проявилось нерасторжимое братство химфака МГУ! Профессор А.П. Терентьев, у которого Э.И. выполнял дипломную работу, шлет ему проект практикума по органике. Друзья, бывшие сокурсники и коллеги (Семеновский, Камерницкий, Куплетская, Садовая и другие) – литературу, методики, программы, перечень министерств, главков и предприятий, выпускающих необходимое оборудование (в это время оборудовали новое здание химфака МГУ на Ленинских горах).

В летние каникулы Э.И. объезжает соответствующие предприятия и коллекторы, закупает и отправляет в Магнитогорск вагоны с химической посудой, оборудованием, реактивами, литературой. Через два года практикумы по органической и аналитической химии техникума оборудованы по последнему слову. Курсы по этим предметам читаются на университетском уровне. Многие выпускники техникума поступают в ведущие вузы, в том числе на химфак МГУ.

1955 год. Положенные три года отработаны. Что дальше? Вернуться в Москву можно только по вызову на работу. Н.К. Кочетков посылает такой вызов в Магнитогорск и берет Будовского на должность инженера в свой только что организованный химический отдел Института фармакологии АМН СССР. Одновременно Н.К. вызвал на работу

однокурсника Э.И. – Марата Карпейского, отработавшего три года на заводе в Ярославле. Сотрудниками отдела стали также Р.М. Хомутов, Е.С. Северин, позднее – Б.П. Готтих. Результаты эффективной работы отдела, в том числе синтез противотуберкулезного антибиотика циклосерина, хорошо известны. Э.И. в короткий срок защитил кандидатскую диссертацию по синтезу физиологически активных соединений на основе гидроксамовых кислот. И вот он один из первых сотрудников новой Лаборатории Н.К. Кочеткова в ИХПС.

Н.А. Симукова появилась в Лаборатории Н.К. осенью 1959 года после окончания аспирантуры у А.Н. Несмеянова на химфаке МГУ. Там она с первого курса с увлечением занималась химией ферроцена, пока не наслушалась знаменитых лекций «несмеяновского набора», на которые ходили все желающие. В результате на вопрос А.Н. Несмеянова: «Чем бы вы хотели заняться в дальнейшем?» (имелся в виду ферроцен), Наташа неделикатно ответила: «Химией нуклеиновых кислот». Со сдержанным изумлением Александр Николаевич рекомендовал ей отправиться в ИХПС к Н.К. Кочеткову.

Профессор Кочетков знал Симукову по лаборатории металлоорганики и принимал у нее аспирантский экзамен по органической химии. Состоялся следующий диалог.

Н.К.: Хочу предложить вам заняться химией липидов.

Н.А.: Я хотела бы работать в области химии нуклеиновых кислот.

Н.К. (пытаясь мягко вразумить тупицу): Но там у меня уже есть человек – Эдуард Израилевич Будовский. Я предлагаю вам группу химии липидов!

Н.А. (не зная, кто такой Будовский): Я хотела бы заняться химией нуклеиновых кислот.

Шеф махнул рукой: «Ну, что ж, идите к Будовскому!».

И Симукова пошла. Путь длится уже почти полвека.

Господи, с каким азартом мы работали! Интересно было невероятно. Каждый день – новое, только успевай впитывать. Окна второго этажа светились до полуночи, а то и до утра, если «процесс» требовал круглосуточного контроля (поначалу не было даже коллекторов – штативы с пробирками передвигали вручную!).

Для разрядки – футбол, после которого возвращались к работе, распахивая спортивную одежду, куда придется. И однажды ворох этой самой «одежки», заскорузлой от частого употребления, полетел навстречу поднимавшейся по лестнице Н.А., – в дверях комнаты стоял разгневанный Шеф и остервенело вышвыривал все, что он случайно обнаружил в шкафу под тягой... Оргвыводов не последовало.

Вспоминается почти стон М.М. Шемякина: «Нет, вы попробуйте сделать химиков-природников из металлооргаников!». А ведь Н.К. сделал, и каких! Учились всему и везде – на лабораторных «ликбезах», в библиотеках, у друзей в других институтах, друг у друга. Энзимолог И.И. Никольская вспоминает первый урок проведения ферментативной реакции. Нужна пробирка. Володя Шибаев достает нечто абсолютно непрозрачное и явно немывое (одноразовая посуда нам тогда и не снилась!). И.И. (мягко): «Володя, в этих условиях реакция не пойдет». В.Ш. (тоном резонера): «Химическая реакция пройдет в любых условиях!». На этот раз не прошла.

В первое время не было самых необходимых реактивов, оборудования. Помогала взаимовыручка. Ультрацентрифугирование? Везешь препарат в Институт вирусологии (в ночную смену). Оттуда рано утром на такси – в родную Лабораторию «раскапывать», затем – в ИМБ на счетчик радиоактивности. Мелкие приспособления придумывали сами. В их изготовлении неоценимую помощь оказывали золотые головы и руки народных умельцев из институтских мастерских или собственного коллектива.

А знаменитые экспедиции за природным сырьем, из которого выделяли биологически активные соединения! Куда только не забирались – в дальневосточную тайгу, на морские биостанции, на зообазы Средней Азии (за змеиным ядом, из которого выделяли, например, фосфодиэстеразы). Одну из таких экспедиций Н.А. запомнила надолго. В Союзе было всего несколько герпетологов, умевших «доить» змей. Один из них,

знаменитый Богданов, работал в то время на зообазе во Фрунзе. Два больших сосуда Дьюара были набиты сухим льдом, упакованы стерильные бюксы, и Н.А. отправилась в путь.

На аэродроме Фрунзе Н.А. встретил Богданов, в 4:30 утра они оба были на зообазе. «Ну, пошли!». Н.А.: «Куда?!». Богданов: «Как это куда? Змей доить!». Н.А. залепетала что-то вроде: «Дяденька, я – химик, в жизни крысы в руках не держала, какие змеи?!». Богданов: «Ну, как хочешь. Сегодня суббота, два дня ассистентов не будет, лед твой растает, уедешь не солоно хлебавши!». Короче, через 15 минут Н.А. в резиновом фартуке и перчатках стояла рядом со штабелем проволочных клеток с несметным количеством змей у цинкового стола, на котором по утреннему холодку лениво шевелилась двухметровая гюрза. Н.А. надлежало удерживать ее в покое, пока Богданов, схватив голову змеи, подносил к ее зубам охлажденный бюкс, куда и стекали две капли янтарного яда. Естественно, первая змеюка вывернулась из скользких перчаток Н.А. После соответствующего высказывания Богданова брезгливость Н.А. улетучилась, она скинула перчатки и вцепилась в змею мертвой хваткой. «Осторожно! Хребетик ей не сломай!». К концу второго дня было обработано несколько сотен гюрз, память Н.А. обогатилась интереснейшими сведениями по их биологии, образу жизни и прочему, и в Лабораторию было доставлено 26 г свежемороженого яда.

Эта эпопея добавила к лабораторному фольклору очередную байку, которую после свадьбы Будовского и Симуковой местные акыны и сказительницы излагали в следующей версии: «И ведь к Змей-Горынычу ее посылал! Ан, не помогло...». Кстати, о фольклоре. Какие капустники, частушки, остроумные выдумки украшали лабораторные праздники! Одним из них был День нуклеотида, отмечаемый ежегодно в день выхода из печати нашей первой статьи.

А потом подошел черед создания книги «Органическая химия нуклеиновых кислот», которую писали с наслаждением и впоследствии с гордостью любовались ее английским изданием (японского увидеть не пришлось).

И все это уникальное рабочее содружество жило, работало, развивалось и ненавязчиво направлялось мощным интеллектом одного из крупнейших российских ученых XX века, истинного интеллигента, человека глубокой внутренней культуры – Николая Константиновича Кочеткова.

Нам повезло: у нас был свой «Серебряный век» – Лаборатория Н.К.

Бостон, США, 31.03.2008 г.